

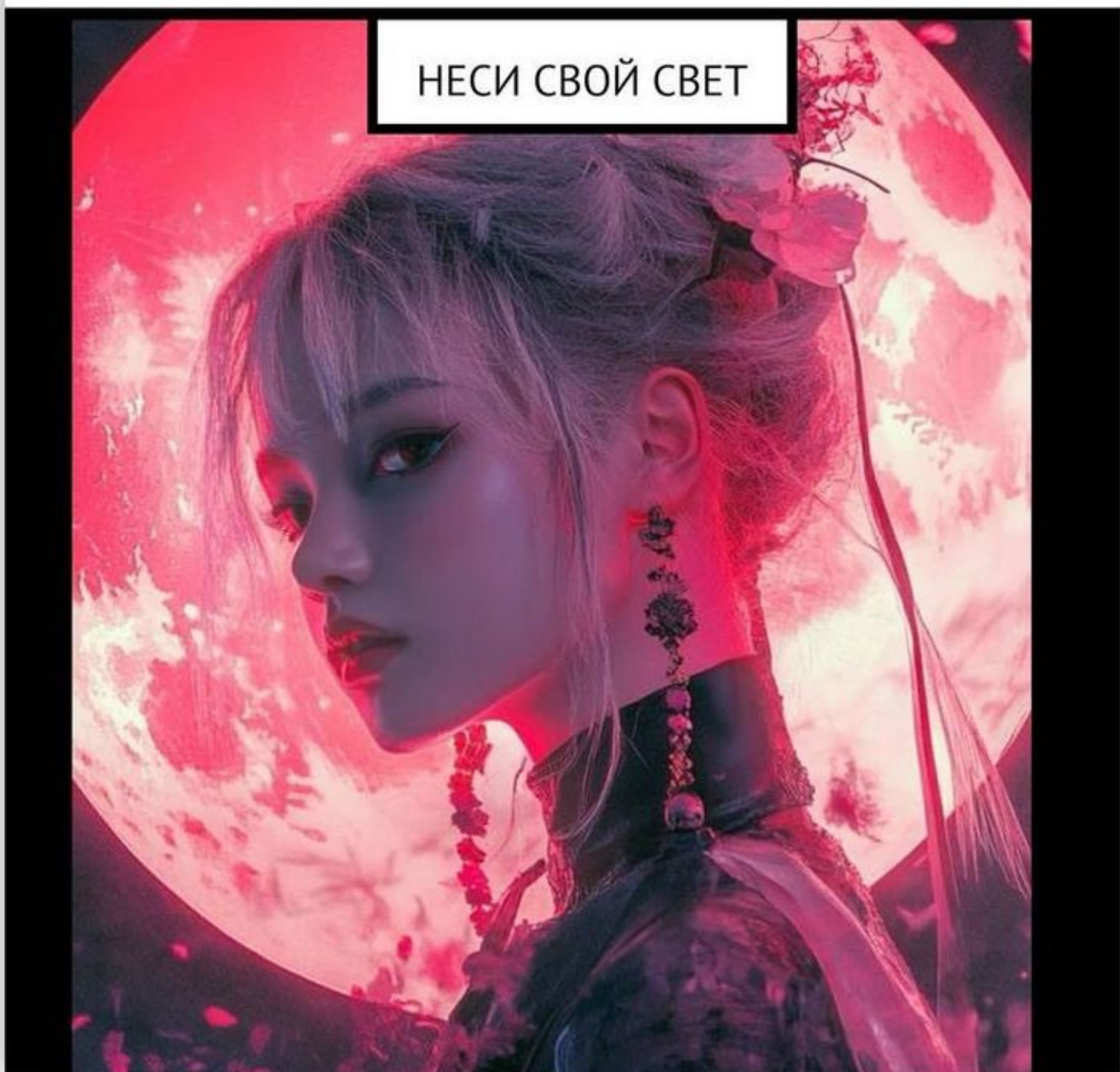
18+

СВЕТЛАНА ИЮНЬСКАЯ

Чёрный камень

НЕСИ СВОЙ СВЕТ

Светлана Июньская

Чёрный камень. Неси свой свет

«Издательские решения»

Июньская С.

Чёрный камень. Неси свой свет / С. Июньская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-554233-5

Книга о тёмной и светлой сторонах женской натуры. О любви и власти над собой и своими желаниями. О силе стихий внутри нас. Другими словами — женское исцеляющее фэнтези.

ISBN 978-5-00-554233-5

© Июньская С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Утро нового дня	8
Глава 2. У реки	11
Глава 3. Айя	13
Глава 4. В доме Иванны	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Чёрный камень Неси свой свет

Светлана Июньская

© Светлана Июньская, 2025

ISBN 978-5-0055-4233-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Когда мне было четырнадцать, хорошие книги ходили по рукам и тётеньки-библиотекарши выдавали их по предварительной записи, по очереди. Одной из таких книг была «Таис Афинская». Моей подруге удалось заполучить её на целых десять дней, и вся наша девчоночья стайка взахлёб слушала увлечённый пересказ приключений отважной гетеры. Я тоже внимала невиданные просторы, героические поступки, и... ничего не запоминала. Ни имён героев, ни названий стран, ни последовательности событий. Спустя двадцать лет Таис ко мне вернулась, я с удовольствием её перечитывала и... снова ничего не запоминала. Прошло ещё двадцать лет и до меня (о боги!) стало доходить, почему не цепляется за память эта книга. Иван Антонович описывает жизнь Таис с точки зрения мужчины, а значит – логично. У меня нет и тысячной доли опыта Таис, а потому она не может быть мне близкой, и я не могу сопереживать ей. Однако, Ефремов, наверное, единственный, кто раскрывал, пусть и разумным взглядом, божественные женские лакуны тех далёких времён.

Природа женских религиозных культов, потерянная для нас навсегда, в последние годы стала весьма популярной темой для изучения и даже, возможно, восстановления. В накрывающем нас хаосе из семейных и общественных обязанностей, нацеленности на непременно большое количество денег и мужских способов проживания жизни, мы хотим чувствовать, что нами движет и куда нам дальше. Мы хотим вспоминать свою глубинную природу и, хотя бы немного, приводить своё сознание в гармонию с ней. А потому тянемся к мастерам самых разных женских практик – женщинам, которые нащупали и признали что-то вечное внутри самих себя, и готовы делиться этими постижениями с другими женщинами.

Нам жизненно важно не только выражать себя через работу, как это делают мужчины, но и быть в согласии с внутренней изначальной природой, которая когда-то давно манифестировалась в религиозных ритуалах на основе простого чувства «так оно есть». Чувства, но не мысли! Другими словами, люди тех религий не думали, они воспринимали мир чувствами. И человеческие ценности были воплощены как чувствование через религиозные культы.

Впервые я коснулась осознания собственных струн женской природы в 2017 году, когда работала над собою методами кармической психологии. Я с удивлением приоткрыла для себя суть и задачи женских богинь. С тех пор из самых разных источников – журнальных статей, книг, моих путешествий, разговоров с объёмными людьми – ко мне стали приходиться капли понимания женского способа проживания жизни.

В этой книге я постаралась свести в один сюжет всё, что мне удалось понять. Мне хотелось почувствовать и описать переживания девушки по имени Сурия, жившей во времена расцвета культа шумерской Богини Инанны. Я попыталась представить себе, как могла складываться жизнь Её дочери.

Мой храм Инанны похож на Айя Софию и храм Хатхор. Центральная фигура Инанны подобна шанхайской ГуаньИнь – скульптуре из цельного полупрозрачного нефрита. Об алхимических свойствах ароматов я узнала от моего друга, владелицы товарной марки духов Алайи Мира. Магнолия, вокруг которой построен дом главной героини – растёт в городском саду Измира. Лекарственная лаборатория – это дом моего ханойского Учителя. Чёрный камень лежит в Луксоре. В описании танцев мне помогло моё, канувшее в прошлое, увлечение арабскими танцами. Итак, ничто не придумано мною. Всё, что есть в книге, я встречала здесь, в моей жизни.

Повествование ничуть не претендует на историческую правду. В нём нет никаких реальных фактов или персонажей. Более того, похожая история могла происходить где-нибудь, ска-

жем, в Петре или в Фивах. Моим желанием было рассказать о личных переживаниях героини в окружении её собственной реальности.

Я благодарю мою дорогую подругу и первую читательницу Ксению Ван за её искреннее участие в судьбе главной героини и за её помощь, что давала мне вдохновение для работы над книгой.

Глава 1. Утро нового дня

Первое просветление воздуха пахло туманной свежестью. Сурия приоткрыла дверь и поёжилась. Накинула приготовленную с вечера шерстяную шаль и скользнула в темноту двора. Она любила эти утренние минуты, и словно ранняя птичка, мчалась на высокий берег Благословенной Реки, где Великое Солнце поднималось в мареве тяжёлого воздуха соляных озёр, лежащих к востоку от Ларсы. Дыхание её замирало, а глаза боялись моргнуть, когда первые лучи появлялись из-за далёкого горизонта и вмиг вырастали в полыхающий громадный диск. Она распевно говорила короткую песню, протягивая к Нему тонкие руки, а потом вприпрыжку возвращалась домой по вьющейся тропинке. Так начинался новый день её двенадцатилетней жизни.

Сегодня, подбегая к садовой калитке, она вдруг увидела Бена. Бен был сыном друга её отца и жил по соседству. Высокий и тонкий юноша, с нежным пушком над губой и синими глазами, он походил на стройного ирбиса, которого Сурия однажды видела в пустыне.

– Что ты тут делаешь? – было удивительно встретить его в такой час.

– Жду тебя, – Бен улыбнулся. В голосе его послышалась грусть, и Сурия вопросительно заглянула в его глаза, темневшие под бархатистыми ресницами. – Ты ведь скоро уезжаешь. Сегодня вечером родители наши собираются вместе поужинать. Ждут от нас музыки и танцев, – Бен говорил о любимых взрослыми вечерах, когда дети устраивали короткие выступления – Сурия танцевала, а Бен играл на барабанах. – Хочу показать тебе новый ритм, я сложил его вчера. Давай попробуем. Если тебе не понравится – вечером сыграю что-нибудь другое.

– Бен, ты печалишься? – Сурия подошла совсем близко. – И музыка твоя уныла?

– Да, – выдохнул он. – Мне не хочется оставаться без тебя.

В один и тот же миг они шагнули навстречу друг другу, и щека её прижалась к его сердцу. Бен гладил нежные каштановые волосы и думал о том, какая же хрупкая на самом деле его девочка. Он знал Сурию всю свою жизнь. Руки его доставали из барабана ритм, что заставлял её двигаться. Часто ему казалось, что руки откликаются на танец, и он не понимал, что первично. И вот сейчас они прощаются на долгие три года. Ведь это же целая вечность! Горло его стало горячим, а руки сжали острые плечи.

– Если я не поеду в храм и не приму предназначенное мне знание, то как же я буду жить? Ведь я не умираю. Я вернусь, – Сурия тихо разрывалась между тоской расставания и рассудком.

– Да, да, милая, конечно, – Бен проглотил комок и улыбнулся. – Идём?

Они направились вглубь тенистого сада, где перед большим шатром, накрытым прозрачным сапфировым шёлком, была устроена небольшая сцена – совершенно круглый спил гигантского кедра. Поверхность его, выглаженная искусными руками, была почти зеркальной, а когда босые ноги ступали по ней, то тепло дерева соединялось с жаром человеческого тела, и воздух наполнялся сладковатым ароматом.

Здесь было место лишь для двоих артистов. Бен уселся в самом центре и коленями обнял свой барабан. Сурия смотрела на его загорелые руки в ожидании. И вот, поначалу медленно, они стали доставать из пустоты барабана ритм. Короткие касания пальцев создавали тихие задумчивые звуки, а Сурия откликалась на них движением – так же грустно она то переступала, вторя его рукам пятками, то тягуче двигалась вокруг Бена и останавливалась, словно хотела замедлить время. Ритм незаметно изменился. Ладони Бена теперь ударяли по натянутой коже коротко и сильно, а звук стал глубоким и объёмным. Из кратких ударов складывалась непрерывная музыка, один удар перетекал в другой. Сурия позволяла своему телу двигаться в такт ей, а рисунок танца напоминал витиеватое кружение с переступаниями и трясками. Наконец, ритм снова сменился. Лёгкий и мелкий, он застал Сурию глаза в глаза с Беном

и вместе они, ощущая присутствие плотной силы, насыщенной маслянистым ореховым запахом, стали замедляться и замирать.

Их привели в чувство хлопки ладоней Мерьем – няни Сурии.

– Пойдёмте завтракать, – Мерьем обняла свою любимицу. – Что-то вы сегодня на рассвете, дня вам не хватает?

– Что же ты скажешь мне, Сурия? Что будем играть вечером? – Бен остановился у калитки, отказавшись от приглашения и ожидая вердикта.

Сурие казалось, что она всё ещё там, в восходящем кедровом потоке и глаза её были распахнуты:

– Раньше ты так не играл. И мне понравилось. Да, я хочу повторить это. До вечера! – она улыбнулась и подняла руку в прощальном жесте.

– Ах, до чего ж я голодна! И как я рада, что ты со мной! – она схватилась за мягкую Мерьем и потянула её за собою.

Дом, где жила Сурия, был большой усадьбой, раскинувшейся на обширном холме. С востока его огибала широкая петля могучей Пэрат, что несла свои синие воды с северных гор Кашиари через всю землю и там, далеко на юге, вливалась в море Парс. А с запада располагались угодья и дома богатых жителей Ларсы. Щедрая земля, нарезанная до крошечки ровными полосами и старательно возделанная, рождала по два урожая в год, а в это весеннее время была залита солнцем и радовала глаз безудержными цветами и ароматами. Горожане любили строить просторные дома с плоскими крышами и окружать их прохладными садами с родниками и фонтанами.

Хозяин усадьбы, отец Сурии Ахикар хранил свою родословную на плоском камне, торчащем из земли и окружённом розовыми кустами. На нём высечено было пятнадцать строк с именами предков по мужской линии. И в каждой строке рядом с мужским стояло имя женщины. Так было изначально заведено в этом роду – только одна жена. Он построил этот дом ещё в юности, до женитьбы, вокруг прекрасной магнолии. Он не знал, откуда взялось здесь редкостное дерево и сделал его сердцем дома, вечно цветущим в благодатном воздухе. Магнолия раздавалась вширь с годами, и Ахикар давал ей место, время от времени перестраивая и меняя планировку дома.

Тогда же, вместе с домом, Ахикар заложил вокруг него и сад, который бережно укрывал от палящего солнца и чужих глаз его семейный мир. Толстые липы, что окружали сад, сейчас, тёплой весной, были усыпаны нежно-жёлтым своим цветом и благоухали под лучами утреннего солнца. Пройдёт лишь несколько недель, и тёмная их листва будет изнывать от зноя и истекать своим соком.

В одном из уголков сада бил из-под земли прохладный ключ, давая начало ручью и насыщая воздух влагой. Стоит ли говорить, что место это было любовно обустроено и окружено нежными садовыми цветами, а дно ручья выложено цветными камешками. Здесь вечно кружили пчёлы и стрекозы, встречались маленькие птички, что жили в липовых ветвях. Сюда приходила напиться и обитавшая в саду старая ежиха, часто со своим колючим выводком. Иногда, ночью, здесь можно было увидеть и кого-нибудь из степных странников, забежавших в сад – зайца или лисицу. Садовые дорожки, выложенные осколками глиняной посуды, вились между цветочными клумбами и ухоженными ягодными кустами и давали случай отдохновенно прохаживаться в этом душистом месте.

Завтрак приготовлен был на веранде, и родители уже ждали Сурию. Асма, стройная женщина с тонкими улыбчивыми морщинками вокруг глаз и светлой кожей, скорее была похожа на старшую подругу дочери, чем на уважаемую хозяйку большого поместья.

– Готовитесь к сегодняшнему вечеру? – она протянула руку и тронула Сурию за локоток.

– Да, мама. Бен показывал новую музыку, – они обнялись.

– О боги! Я уже жду, как затрепещет моя кожа, – Асма давно знала своё отношение к барабану Бена. Всякий раз он заставлял вибрировать каждую клеточку её тела. Бесконечное множество этих мелких вибраций не было беспорядочным, они составляли собою волны, что щекоотливо накрывали всё существо.

Асма смотрела на танец дочери, а видела мистичное действо. Что было хоть на долю мгновения первым – звук или движение – она не могла различить разумом. Воспринимать то, что происходило, можно было только нутром, и ей оставалось лишь ощущать, как всякий раз раскрывается сердце навстречу чарующим всполохам.

– Доброе утро, папа! – Сурия подошла к отцу и поцеловала его в круглую мягкую щёку.

– Чувствую, за ужином нас ждёт что-то особенное? – Ахикар улыбнулся в ответ.

– Хочу сохранить сюрприз. Но думаю, да. Мне кажется, я до сих пор в этом ритме. Для меня он точно особый... новый... Пока не знаю, что такое эта музыка, – Сурия задумчиво пожала плечами. – Но давайте же завтракать!

– Милая, а ведь завтра в путь, – Асма посмотрела на дочь, возвращая её на землю. – Как ты, настроилась, сердце твоё в покое? Надеюсь, ты будешь не очень скучать без нас. Думаю, времени на тоску у тебя не будет точно. Мерьем поможет тебе собраться. А вечером мы все будем напутствовать тебя, – Асма прикоснулась ладонью к по-детски нежной щёчке Сурии.

В голосе Асмы слышалась тихая радость за дочь. Она вспоминала день, когда её саму, такую же двенадцатилетнюю девочку, мать провожала в Урук, в храм Великой Инанны. Лишь один раз в три года храм принимал двенадцать девочек, чтобы сделать их образованными женщинами, знающими устройство мира, целительство, литературу и музыку. Их имена навсегда оставались вписанными в хроники храма, а предложить замужество такой девушке решался только уважаемый и состоятельный мужчина. Конечно, жизнь под крылом Богини не была простой. Там не было ни мамы, ни няни. Нужно было заботиться о себе самой, много учиться и всё запоминать наизусть. Однако, девочки помогали друг другу как могли, и потому ни одна не уходила из храма не доучившись.

Глава 2. У реки

Наступил прохладный вечер, и под сапфировым шатром в саду накрыт был круглый стол. Гранатовая скатерть и посуда из красного стекла с позолотой дышали роскошью. Свет струился из медных масляных светильников и заливал всё пространство. Лампы с ароматами, спускающиеся откуда-то сверху, наполняли воздух розовым благоуханием, что соединялся с запахами восхитительных блюд.

– Ах, мама! Это так... великолепно! Как красиво ты умеешь всё это устраивать! – Сурия остановилась в изумлении от вида этого райского местечка.

– Это вовсе нетрудно, дорогая, ведь наша семья на самом деле богата, – Асма улыбалась. – Для того и существует достаток, чтобы усладить душу красотой и изобилием. Пойдём, дорогая, к воротам, встретим наших гостей. Папа уже там.

Они прошли по садовой дорожке во двор усадьбы. Ахикар стоял в открытых воротах и смотрел на дорогу. Гостей всё не было.

– Я уже начинаю беспокоиться. Они никогда не опаздывают. Может, послать слугу? – он вопросительно посмотрел на жену.

– Вот они, идут. Бена с ними нет почему-то. Сейчас расспросим.

После обычных приветствий и пожеланий выяснилось, что Бен куда-то запропал ещё днём. Слугам было строго-настрого наказано передать ему, чтобы немедленно шёл в дом Ахикара. И хотя вечер был наполнен разговорами, вкусной едой, пожеланиями и поздравлениями, время от времени кто-нибудь оглядывался на садовую дорожку – Бен так и не появился. В конце концов, каждый подумал, что Бен просто не хочет прощаться с Сурией.

И это была правда.

Весь день он сидел на берегу реки под ивой и рассматривал желтые кубышки. Наблюдал, как цапли в камышовых зарослях переговариваются между собой и ловят рыбу. Слушал, как ветерок тихонько шумит в высокой траве на берегу. Солнечный свет заливал землю, реку, наполнял теплом весь мир. Стояла весна и всюду кипела жизнь: щебетали птицы, носились пчёлы, плескалась рыба в реке.

Мальчик слушал, как в его тело входит ветер, наполняет его лёгкие, как запах речной воды попадает в нос, а потом в голову и возвращается в реку. Он чувствовал под собою нагретую и всегдашнюю землю. Мыслей не было – только ощущения движущихся непрерывных ручейков внутри тела, они входили в тело, или возникали там, выходили из него, уходили куда-то вдаль. Тела не было – только движения множества потоков. Они были разные – тонкие, как нити и довольно широкие, горячие и прохладные, медленные и быстрые. Ему не хотелось даже шевелиться.

Наконец, он поднял глаза и увидел перед собою лодку, а в ней – человека, одетого в какие-то лохмотья, едва прикрывавшие тело. Лодка остановилась прямо перед Беном, и несколько минут они молча смотрели друг на друга. Бен поздоровался первым, незнакомец ответил ему так, словно перед ним уважаемый всеми горожанин. Он попросил разрешения выйти на берег, Бен кивнул и тогда он подгрёб, привязал второй конец верёвки к большому камню, лежащему у самой воды, и стал осматриваться.

Бен не сводил глаз с незнакомца. Длинные, худые руки и ноги, прямая спина и развернутые плечи, прямые блестящие волосы, аккуратно собранные на затылке. Он двигался свободно, большими шагами, его движения были спокойными и неторопливыми. Собрал немного хвороста, сложил его горкой, вокруг положил мелкие камешки, подобранные тут же на берегу, и стал добывать огонь.

И вот язычки пламени заплясали весело, а струи горячего воздуха устремились ввысь. Незнакомец вытащил из лодки заплечный мешок, а из него – большую медную кружку, набрал

в нее речной воды и поставил на камень рядом с огнем. Скоро вода закипела, и он бросил в кружку горсть сухого чая, аромат которого тут же завитал вокруг костра. Чай был обжигающим и терпким, а глаза у незнакомца – чистыми и глубокими. Бену показалось, что они бездонные, как небо. Спокойные, серые и совершенно прозрачные.

– Почитай мне, – попросил незнакомец.

Бен стал читать стихи, которые сложились в его голове сегодня утром, пока он ждал

Сурию:

Я внимаю ветер, что играет с золотыми струнами Солнца
в радужной листве;

Он несёт мне весть, которую я не могу расслышать;

Он выводит слова на воде, которые я не успеваю
прочитать;

Он касается моей кожи, и я радуюсь вместе с ним;

Он трогает луговую траву, а я люблю изумрудом;

Он зовёт меня с собою, туда, далеко, за горизонт,
в неведомые дали...

Стихи превратились в мелодию, а Бен стал этим нескончаемым ветром.

Незнакомец слушал, не отрывая взгляда. И вот, Бен остановился, не в силах шевельнуться, и ни одна мысль не блуждала по его лицу.

Бен был третьим сыном в семье. Отцовского торгового дела не понимал и чувствовал себя не в своей тарелке, когда тот пытался чему-то его научить. Зато читал свои стихи на улицах города и мог часами слушать местных и странствующих музыкантов. Дома его любили. Родители часто просили поиграть или почитать что-нибудь для себя или для гостей. Но сегодня он не мог. После утренней встречи с Сурией он вдруг почувствовал всю тяжесть предстоящей ему пустоты. Она навалилась на плечи и сгорбила его. Он бродил по дому, не находя себе места, пока не решился выйти к реке.

И вот сейчас, когда глоток чая вернул его в настоящее, он понял, что не может вернуться туда, где нет её.

– Возьми меня с собой...

Глава 3. Айя

Храм Богини Инанны располагался в большом оазисе на окраине Урука. А звалось это место Ха-Йанна. Рядом с огромными воинственными воротами в оазис Асму и Сурию встречала большая и красивая женщина – главная жрица Инанны. Её одежда с широкими узорчатыми окаймлениями переливалась на солнце пурпурным шёлком. Гладкие чёрные волосы были крепко стянуты и уложены на самой макушке в высокую причёску. На груди сиял цветок Инанны, сплетённый из тонкой розовой меди и держащий в центре редкостный кристалл нежно-лилового кварца. Серьги, также из медной нити, были сплетены в формах растущей и убывающей Луны. Браслеты и кольца вторили всему её образу и продолжали его, обрамляя мягкие притягательные руки. Обувь, покрытая той же тканью, из которой была и одежда, создавала впечатление маленьких и аккуратных женских ножек.

Айя улыбалась и радушно приветствовала Асму и Сурию. Девочка не могла отвести глаз от Айи, хотя видела её много раз. Она светилась торжеством. Её голубые глаза сияли радостью, что струилась прямо из приподнятого сердца. Она приглашала их войти в распахнутые врата широким жестом.

Сурия бывала здесь часто, вместе с матерью, на праздниках, церемониях и просто в гостях у Айи. Но сегодня она смотрела на это место другими глазами. Храм показался ей особенно величественным, а сад вокруг него – по-праздничному ярким и цветущим. Вся Ха-Йанна была огорожена высокой стеной, сложенной из необожжённых глиняных кирпичей. Кирпичи изображали волны Мирового Океана, в котором когда-то, в Начале Времени, зародилась человеческая жизнь. И всё, что было необходимо для этой жизни, было в храме и рядом с ним, внутри этого океана.

Святылищу Инанны, квадратному в основании огромному зданию с куполом в центральной части крыши, предстояли две параллельные стены, ведущие прямо ко входу. Стены были сложены из глиняных кирпичей и облицованы с обеих сторон лазуритовыми плитками, инкрустированными золотой чеканкой – изогнутыми тростниковыми стеблями. Высота стен была такой же, как храм, и в этом коридоре, из которого был только один путь – в дом Инанны, само собою оставалось где-то там, позади, всё суетное и преходящее, а разум настраивался на дыхание Хозяйки.

Над дверями храма, высокими, обитыми медными пластинами с тиснением, была установлена лазуритовая плита с изображением лица Инанны, которое было создано из драгоценной цветной эмали. Гладкая кожа, нежно-розовый румянец на высоких скулах, маленькие алые губы, оленьи глаза, высокий сияющий лоб, иссиня-чёрные косы – такой была Она, Красавица, дарующая благодать. Она читала в сердце каждого, кто шёл по Её фиолетовому коридору. И в эти минуты не было нужды в словах и мыслях, оставалось лишь раскрыть своё сердце навстречу Её взгляду, довериться Ей.

Несколько высоких сооружений, покрытых цветной керамической плиткой, находились рядом с храмом. Сурие только ещё предстояло узнать, почему и зачем они здесь. Огромные финиковые пальмы и диковинные деревья, ухоженные зелёные лужайки и благоухающие розовые кусты, фонтанчики и водные дорожки, фазаны, кролики и карпы – это место было щедрым на прохладу и отдохновение.

Сурия хорошо знала, что мама и Айя – подруги детства и очень доверяют друг другу. Ей было спокойно рядом с Айей и подумалось о том, что теперь она – её мама.

Пока она размышляла и снова оглядывала храм и его окрестности, внимание её привлёк небольшой павильон из серого туфа круглой формы. Вход был занавешен плотной чёрной тканью. «Что это такое? Почему так необычно – ткань вместо дверей?» Она подошла поближе. Загадочность этого места трогала её природное любопытство. «Только одним глазком», –

мелькнула мысль. Штора оказалась не закреплена и легко отошла в сторону. Солнечный свет выхватил пустоту вместилища, а под ней – огромный камень, лежащий прямо на чистом пустынном песке. Открывшееся ей место отпечталось ярким контрастом к буйной красоте вокруг. Сурия ахнула и отдернула руку, но потом, оглядевшись и никого не увидев рядом, снова заглянула вовнутрь в надежде разглядеть получше такой странный предмет. Камень был совершенно чёрный и отливал гладкостью. По форме он напоминал овальный купол с маленькой вмятинкой на самой верхушке. Он был похож на живот беременной женщины и притягивал взгляд какой-то неведомой силой. Сурия подняла глаза – на месте крыши лежала тонкая обсидиановая пластина, отчего внутри царил полумрак. Она обомлела, не в силах отвести глаз от таинственного места.

Её нашла Асма, и от прикосновения руки на плече Сурия вздрогнула.

– Не надо, дочка, давай уйдём отсюда.

– Но что это такое? – внимание девочки было захвачено тайной.

– Ещё очень рано об этом говорить. Пока ты не сможешь понять. Ая всё объяснит, когда придёт время.

– Но мама?..

Асма остановилась и, глядя в глаза дочери, серьёзным, едва слышным шёпотом проговорила:

– Я только могу сказать, что этот Камень лежит здесь с Начала Вре́мён. Наши храмовые хроники говорят, что он пришёл оттуда, где уже нет неба. Он не похож ни на один камень, что есть в земных горах. Остальное узнаешь со временем, когда будешь готова.

– Готова? Готова к чему?

– Готова к правильному пониманию его природы и необходимости.

И непонятный камень оставил внимание Сурии.

Тем временем в Ха-Йанну прибывали женщины самых разных возрастов. Все они когда-то воспитывались здесь, и были жрицами Инанны. Некоторые из них оставались жить в храме, как Ая, другие создавали свои семьи, как Асма, но каждая из них знала, что это место – её дом и здесь она стала самой собою. Они возвращались сюда часто, собираясь вместе, как сегодня, или приходили в одиночестве. Храм был открыт для каждой из них всегда, как и сердце его хранительницы и главной жрицы.

Наконец, все собрались на большой лужайке и в глубокой тишине Ая стала говорить:

– Я всех вас приветствую в благословенном храме Великой Инанны! Сегодня великий день, который бывает лишь однажды в трёхлетие. Только двенадцать юных девушек входят в этот дом для того, чтобы провести здесь долгий ретрит, раскрыть в своём сердце Вселенскую Женскую Суть, и затем нести Её в мир, воплощая Её собою. Сегодняшнее торжество – для наших девочек и для всех нас, и мы будем снова и снова воспевать Великую Мать Инанну!

Праздник начался. Маленький женский оркестр плёл тонкую музыку. Лютни и лиры вели разговоры друг с другом и с танцовщицами, то медленные и тягучие, то стремительные и звонкие. Девушки в струящихся одеждах переступали, вращались и изгибались, держа в руках чаши из цветного стекла. Это был особый ритуальный танец, арабески и музыка которого были слаженны и отточены многими поколениями служительниц Инанны. Исполнялся он лишь по праздникам и был особенным даром, несущим Богине – благодарность, а людям – радость.

Сурия вдруг почувствовала, как сердце её вторит этому танцу и хочет выскочить из груди и лететь вместе с другими девушками в волшебное действо. А оно всё продолжалось, воспевая собою одну стихию за другой. Вот терракот и охра вращаются и гулко притопывают широко расставленными ногами, отзываясь горячей тяжестью в собственных бёдрах Сурии. Пылающие всполохи мечутся в хаосе, воспаляя сердца и зажигая глаза всех, кто смотрит на них. А вот ручейки и волны струятся, накатываются и увлекают в круговороты, а потом рассыпаются

брызгами так, что зрительницы тянут к ним руки, желая охладиться влагой. Наконец, неуловимые и почти прозрачные, лёгкие будто пёрышки, танцовщицы кружатся вихрями, наполняя собою небесную высь.

Зрелище захватило Сурию. Не было больше границ тела и его ощущений – всё слилось в единое существо, живущее в изначальном вселенском ритме.

Но вот оркестр умолк, и требовательно зазвучал одинокий барабан. Прекрасная Айя ступает медленно, подняв руки ладонями вверх, вровень с плечами. Она двигается на кончиках пальцев, легко звеня ножными браслетами с золотыми колокольчиками. Глаза её чуть прикрыты, а безмятежная улыбка делает лицо светящимся.

Звучит глубокий ритм, в точности повторяющий ровный пульс. Айя останавливается в центре лужайки и начинает своё священнодействие. Чуть заметные шаги плавно переносят её тело по кругу и вписанным в него завиткам. Она непрерывно движется, кружась и сливаясь в один сплошной искрящийся шар со своими разлетающимися широкими одеждами. От самых краёв круга она, вращаясь, перемещается в его центр. Ритм становится витиеватым, узорчатым. Айя чуть наклоняется, опуская руки и подрагивая плечами в такт, и вновь выпрямляется, выгибает спину, поднимая груди – опрокинутые чаши – навстречу небу. В этих барабанных завихрениях – таинственные звуки самого Мироздания, когда ещё не было ни первого вдоха, ни первой радости, ни первой грусти, а в ответ им голосисто звенят колокольчики ножных браслетов жрицы. Руки гибкие, как лебединые шеи, дают и ласкают и, вскидываясь вверх, воспевают и благодарят. Сильные бёдра свободно вращаются и подрагивают, вслед за переступаниями ног, крепко упирающихся в землю.

Вот настойчивым, повелительным стал ритм барабана, рассыпался нетерпеливым ознобом. Айя замирает, опускается на колени, выгибаясь так, что голова её ложится на землю. Смуглые руки начинают свой танец, похожий на сакральную речь. Переплетения сменяют изгибы, повороты становятся знаками. Молчат золотые колокольчики, теперь лишь руки говорят с Богиней. Все, кто смотрит сейчас на Айю, читают каждое слово, сложенное её руками. Это триста священных имён Инанны, произнесённые в танце. Наконец, ритм замедляется, становится тише, Айя, не останавливаясь в своём разговоре, начинает подниматься и... превращается в живую Инанну, всецелую в своей Сути. Она застывает, вновь открывая ладони небу, и вместе с нею, распахнув глаза, замирают все, причастные к ритуалу.

Я ступаю по небесам, и дождь проливается на землю;

Я ступаю по земле, и травы и злаки пышно растут;

Я вхожу в твой дом, и дети рождаются в любви...

...Двое мужчин, один – худой и в лохмотьях, другой – тонкий, похожий на молодого ирбиса, наблюдали с отрога горной гряды за вечерним Уруком. И где-то там, на дальней окраине, широким столбом стояло бело-голубое зарево. Луч света прочно соединял небо и землю. У обоих замерло дыхание, а глаза не отрывались от далёкого сияния. Что-то вдруг схлопнулось в груди у Бена, и он с коротким стоном закрыл глаза. В поле внутреннего зрения сияла, словно звезда, улыбающаяся Сурия.

Глава 4. В доме Инанны

Праздник остался позади, а жизнь Сурии переменялась. Она всё так же встречала Великое Солнце, но теперь по утрам поднималась на плоскую часть крыши храма. Там, на востоке, первые Его лучи касались Ларсы и родного дома, и Сурия вглядывалась в далёкие места, сердцем узнавая их. Ладонями, поднятыми навстречу Солнцу, передавала она свои приветствия всем, кого оставила, и спускалась в Дом, для которого стала тонким проводником.

Пространство храма удивляло её всегда. Она никак не могла понять, как он может быть изнутри больше, чем снаружи. Да, он огромен, и однажды она даже подсчитала свои шаги, когда решила обойти его вокруг. Их получилось больше тысячи. Но, входя вовнутрь, она ощущала высокую пустоту вокруг, как будто и не было никакой крыши. Ничто не ограничивало её голову и её сознание. Не раз она ловила ощущение, словно кто-то берёт её за волосы и поднимает вверх. Однажды она даже вышла проверить, на месте ли купол, не поднялся ли он вверх каким-нибудь неведомым образом.

Она как-то рассказала об этом впечатлении Айе, и та развеяла её сомнения, а заодно поделилась редкостным знанием:

– Всё, что есть в пространстве – Хаос и Гармония. Третьего не бывает. Там, за стенами Ха-Йанны царит Хаос, но здесь – пространство Гармонии. Твои ощущения – это и есть отклики на Великое Подобие такого большого Дома и таких маленьких частиц Гармонии, из которых он построен. Эти маленькие частицы всегда красивы, сами по себе. Их суть – красота. Представь, ты смотришь на что-то, что кажется тебе прекрасным. Оно прекрасно само по себе, потому что так оно есть. А потом ты видишь эту же прекрасную форму, запечатлённую строителями в храме. И храм, конечно же, прекрасен, потому что так оно есть.

– Но что такое – эти маленькие частицы красоты?

– Это её символы. Они даны нам свыше, ещё в Начале Времени, и с тех пор неизменны. Они даны для того, чтобы мы могли жить в красоте, а значит, в Великой Гармонии и быть её проводниками здесь, на земле. Эти символы – указания богов, как нам устраивать жизнь на земле, в пространстве земли. Видишь эти два отпечатка, похожие на цветок в круге? Там, с двух сторон от входа? Это и есть символы Великой Гармонии. Храм построен по этим символам. Поэтому мы в Гармонии и нет пределов для нас, мы ничем не ограничены. А когда мы раскрыты, мы можем принимать в себя силу Богини и нести её здесь, на земле.

– Но как же Хаос? Ведь столько людей живут в нём? Мой дом тоже в Хаосе?

– Должно быть равновесие. Не бывает только Хаос или только Гармония. И в сознании каждого человека и вообще на земле. Твой дом возник из хаоса, но, поскольку твои родители – люди посвящённые, они построили его в согласии с символами Гармонии. Так что тебе не о чем беспокоиться, дорогая.

Храм – огромное здание кубической формы – стоял здесь с Начала Времени, по словам Айи. Толстые его стены спасали от зноя, а искусства, рождавшиеся в его пространстве, давали богатую пищу для сердца.

Здесь жрицы исчисляли время, увязывая его с календарём, что был нарисован на высоком потолке входного зала. Восходы и закаты Солнца, фазы Луны – всё это в точности распланировано было для каждого дня в году, на изображении тела самой Инанны. И поскольку календарь нависал над головой и был исполнен в самых ярких красках, он устанавливал в сознании неизбывный порядок времени «так оно есть», царивший в Мироздании, и одновременно накрывал собою всё, что происходило в храме.

Жизнь в храме шла по солнечному календарю, лунным циклам, временным ритмам. Сам распорядок её создавал согласие с природными состояниями, а потому девочки не чувствовали ни напряжения, ни усталости, ни тоски. Для того, чтобы этот образ жизни устоялся и стал един-

ственно возможным, для них существовал только один запрет – покидать Ха-Йанну в течение трёх лет.

Храмовый воздух благоухал смесью ароматов, которые, поскольку внутренних дверей не существовало, исходили из одного помещения. Здесь длинные деревянные полки занимали три стены и были заставлены прозрачными сосудами самых разных форм и размеров. А в центре этого зала располагался святая святых – высокий стол с устройством из бронзовых чаш, крышек и трубок для извлечения масел. С первого взгляда это запутанное нечто напоминало дракона с круглым животом, из пасти которого, сложенной дудочкой, что-то капало. Брюхо дракона подогревалось на закрытой каменной печи, обмазанной глиной и установленной рядом со столом, а дымовая керамическая труба поднималась к отверстию в крыше. Увиденное впервые, это сооружение производило на девочек впечатление неизгладимое, даже пугающее. Но потом, когда они познакомились со зверюгой поближе и научались управлять им, этот зал неизменно становился одним из любимейших мест в храме, а дело изготовления крепких ароматов из трав и цветов никого не оставляло равнодушным. Приручить хитромудрого бронзового дракона было азартной игрой, а сам он, хоть и ломался, но не долго, и в конце концов, смиренно подчинялся нежным девичьим рукам.

Именно здесь, в «драконьем зале» Сурия впервые увидела хроники храма. В нём говорилось о силе аромата тростника, что может вознести к Самой Инанне, если будет на то Её снисхождение. Другие ароматы были изучены жрицами за долгие века и имели длинные рецепты по применению. Сказано было так: ароматы изменяют восприятие одной и той же действительности. Словно пустота внутри заполняется чем-то естественным, тем, что «так оно есть». И для правильного их использования нужно правдиво признавать и разбираться в своих состояниях. Ароматы – первая помощь человеку, который открыт и не скрывает своих чувств. Чувства – то главное, что движет человеком, и если те из них, что тяжелы, тянут за собою и овладевают, нет лучшего средства, чем нужный аромат. Он облегчит состояние, покажет простой выход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.